

Соло английского оркестра

Ирина КОРНЕЕВА

Английский театр Деклана Доннеллана и Ника Ормерода в Москве знают, любят, ждут. Поэтому даже если в городе не висело бы ни одной афиши, что в рамках Третьего чеховского, в Малом театре, шекспировскую комедию «Много шума из ничего» показывает театр «Чик бай Джаул», аншлаг все равно состоялся бы.

Геро — Сарита Чоудэри

Шекспир был не первым, кто представил для сцены сюжет, когда нехитрым образом «соперник героя убеждает его в неверности его жены или возлюбленной с помощью готовых к предательству слуг».

Как вы помните, в пьесе «Много шума из ничего» девушку обвиняют в порочности накануне свадьбы, а в доказательство тому ее жених ночью подводит к окну, где воркует влюбленная парочка слуг. Подобным образом брачные планы старались разрушить в европейской драме начиная с пятого века. И вплоть до наших дней жених на сцене выводили как человека, глубоко оскорбленного в своих самых лучших чувствах и намерениях. В силе негодования, обрушиваемого на «порочную, неверную и коварную», соревновались и актеры многих российских театров, оставляя зрителям головную боль: ну почему Клавдио всему этому верит? Деклан Доннеллан, похоже, первый решил дать логическое объяснение поведению Клавдио с современных позиций и оправдать название разыгрываемой драмы, в сущности возникшей действительно из-за ничего. А именно из-за природной инфантильности и комичной ограниченности Клавдио. Который, даже получив согласие на брак, первый поцелуй и объятия адресует не невесте. Ну кто способен перепутать в темноте голос своей возлюбленной, будь хоть трижды названа она Геро? А потом пережить ночь и дожидаться венчания, чтобы публично уличить в распутстве ту, чье имя дороже

«Много шума из ничего». Постановка Деклана Доннеллана. Театр «Чик бай Джаул»

всех на свете? Не слепой влюбленный, извините, — лопух. На месте Геро (в исполнении Сариты Чоудэри — смуглого ангела во плоти) после выяснения недоразумения любая другая хорошенько задумалась бы, прежде чем соглашаться на брак с тем же Клавдио. В финальной сцене венчания при сей «кадровой» трактовке можно было ожидать режиссерской вольности с текстом, чтобы Геро на вопрос священника, готова ли она стать женой Клавдио, ответила бы: «Нет». Но, конечно, этого не случилось, спектакль шел по Шекспиру, как по нотам. Только в современной аранжировке. И с этим маленьким открытием, возможно, относительно новым, но абсолютно забавным.

«Пока я не встречу женщины, привлекательной во всех отношениях, ни одна не привлечет меня. Она должна быть богата, умна,

Саския Ривз

добродушна, красива, знатна, приятно разговаривать, быть хорошей музыкантшей, а волосы пусть будут такого цвета, как богу угодно.» Признание Бенедикта (друга Клавдио) — его первоначальная поза — в медицине имеет название: интимифобия. Такой всю жизнь будет искать свой идеал, до тех пор, пока, как по Шекспиру, ему не встретится та единственная, которая сразит его не совокупностью достоинств, а остроумием. Если, конечно, он сам изъясняется не на постном языке. Словесные поединки Бенедикт—

Беатриче (второй пары, вставшей к финалу под венец) проигрывались Мэттью Макфэдьеном и Саскийей Ривз так, будто остроты рождались прямо на сцене. Одно дело вложить в уста дамы ироничный вопль: «Все на свете устраиваются, кроме одной меня, бедной... Остается мне сесть в уголок и кричать: «Дайте мне мужа!». И совсем другое — озвучить его так, чтобы не было ни вульгарно, ни мучительно больно за «одинокую да несчастную». Но Беатриче играет известная Саския Ривз. Первая скрипка в этом

спектакле. Центральный персонаж доннеллановской постановки, хотел режиссер того или нет. Она бесподобно изображает, как умеет леди пить шампанское прямо из бутылки. И как очаровательно может напиваться, грациозно падая в реверансе. Как с похмелья берется разгон остроумия и как можно убить взглядом, когда, к несчастью, все аргументы иссякли. Саския Ривз смотрит на своего заклятого врага — будущего мужа — так, что Бенедикт буквально валится с ног (жаль, ни один фотограф не запечатлел ее выражение в ту секунду: дорого стоило бы такое фото). Просто бенефис побеждающей женской логики.

В театре «Чик бай Джаул» (дословный перевод — бок о бок) любят рассуждать о том, что актер должен ощущать бремя декораций, костюмов и задумок режиссера так же, как будь он не на сцене, а предположим, в открытом поле. Редкий случай, когда уставное слово совсем не расходится с делом. Никаких роскошных тяжеловесных декораций. Ни шага величественной пошлости, от которой все рядом стоящие готовы пасть ниц. Ни намек на груз времен и бремя традиций. В «Чик бай Джаул» шляпу перед Шекспиром снимают как перед современным, отразившим жизнь и сегодняшних, а не лишь ушедших вглубь веков людей. Королевская пластика без мании величия. Безупречно выверенная графика движений (в прошлый приезд в Москву английский театр пол на сцене выложил квадратиками и персонажи ходили, словно фигурки по шахматной доске). Бесподобная культура речи. «Они выговаривают не слова, а буквы», — определил коллега. При минимуме (по крайней мере, видимом) сценических усилий — максимальный театральный эффект, когда можно позволить себе не сопереживать или же расчленять театральное целое на философские идеи и режиссерские задачи, а просто любоваться. Актерским ансамблем. Игрой с достоинством.